

УДК 300-399 /32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ: ПРИРОДА И ФОРМЫ

В.Н. Жук

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Политическая идея рассматривается как рационализованная ценность, не имеющая предмета в опыте, но возникающая из умонастроений той или иной эпохи. Реализуется политическая идея в различных формах: идеология, миф, метафора и др.

Ключевые слова: *идея, ценность, идеология, метафора, миф, идеал.*

Политические идеи вырабатываются в политической философии. Идея не имеет предмета в опыте и является рационализованной ценностью, а ценность связана с осознанием того, что человек принадлежит определенной культуре, эпохе.

Политические идеи возникают из умонастроений той или иной эпохи и первоначально существуют как идеи обыденного сознания, как мир его ценностей. Политическая философия рационализирует идеи обыденного сознания, обосновывает их и оформляет в качестве ориентиров. Так в политической философии и создаются идеи естественного права, свободы, равенства, конституции, гражданского общества, правового государства, суверенитета, демократии, фашизма и др. На основе этих идей политическая философия конструирует политические идеалы, ценности, взятые в их совершенстве. Поэтому часто политические идеи приравнивают к утопическим. Важнее другое – хотя политическая философия непосредственно не связана с политической практикой, ее идеи часто становились основой различных идеологических концепций, в которых люди выражают свое стремление преобразовать общество с помощью идей, по модели идей. На этой основе и рождаются различные политические доктрины, которые помимо научных политических исследований обращаются в политическую практику.

Одной из важных форм реализации политических идей является идеология. Как отмечает Б. Парамонов, «идеи, идеализм (можно в этот раз поставить и “идеологию”) изначально связаны с забвением человеком древа жизни, с предпочтением древа познания. Идеализм, спроецированный социально, – это и есть идеология, современный Молох, требующий человеческих жертвоприношений» (см.: [5, с. 65]). Идеология является совокупностью идей для ширококвещательного использования, «массовой коммуникации». Тиражируемые в обществе идеи могут содержать истинные знания, а могут содержать ложь и целенаправленную дезинформацию (см.: [2, с. 9]).

Говоря об идеологии, К. Мангейм различает два значения этого понятия. Первое он назвал частичным, второе – тотальным. Первое оз-

начает, что идеология принадлежит ограниченной общности людей, полемизирующей со своими идеологическими противниками. В этом плане идеология коллективна и часто камуфлирует себя, не только маскируя факты и аргументы противника, но и выдавая себя за истину, очевидность и т. д. Что касается тотальной идеологии, то, по К. Мангейму, можно говорить об идеологии эпохи или конкретной социальной группы (класса), имея в виду своеобразие и характер всей структуры сознания данной эпохи (см.: [3, с. 82]).

Классифицируя политические идеи, К. Мангейм определяет их по наличию различных политических направлений:

1) бюрократически-консервативное мышление – стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления;

2) исторический консерватизм, социальной основой которого является дворянство и те слои буржуазной интеллигенции, которые по своему духовному и реальному значению занимали в стране господствующее положение. Идея их такова, если говорить упрощенно: править должна аристократия;

3) либерально-демократическое буржуазное мышление, для которого характерны интеллектуализм, игнорирование элементов воли, эмоциональности, что повлияло на создание научной политики и институтов политической борьбы (парламент, избирательная система);

4) социалистически-коммунистическая теория, являющаяся синтезом интуитивизма и стремления к рациональности;

5) фашизм. По своей сущности он активен и иррационален, охотно заимствует положения иррациональных философий и адекватных им политических теорий. В фашистское мировоззрение вошли переработанные соответствующим образом идеи Бергсона, Парето, Сореля. По оценке К. Мангейма, в центре фашистского учения находится апофеоз непосредственного действия, вера в решающий акт, значение инициативы руководящей элиты. Сущность политики в том, чтобы действовать, понять веление момента. Не программы нужны, а люди и сила воли (см.: [3, с. 140–159]).

По мнению О. Ребуля, важной формой реализации идеологии, в которой она выполняет свои определенные функции, является речевая деятельность, язык. Существенной чертой языка политики является его убеждающая направленность. Цель политического выступления – убеждение – достигается главным образом с помощью метафор (см.: [8, с. 23]).

Метафора наряду с идеологией является важной формой реализации политической идеи. В эссе «Две главных метафоры» Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и недостижимого. Метафора удлиняет радиус действия мысли. Она, правда, всего лишь обес-

печивает практический доступ к тому, что брезжит на пределе достижимого» (см.: [4, с. 468]). При помощи метафоры политики стремятся дать более четкое, яркое и экспрессивное определение тому или иному важному явлению, привлечь внимание публики, сформировать общественное мнение. В качестве примеров известных политических метафор можно привести следующие: «холодная война», «равновесие страха», «ядерная зима», «железный занавес», «общеевропейский дом», «рак коммунизма», «империя зла», «падающие кости домино», «бумажный тигр», «большой скачок» и др. Подобного рода метафоры сыграли важную роль в формировании политического сознания, политических отношений, однако их значение все же ограничено во времени, так как они адекватны лишь определенным условиям существования той или иной политической ситуации. Указанные выше метафоры сегодня уже утратили свое практическое значение. На смену им придут новые.

Весьма специфический подход к рассмотрению данного вопроса находим у французских исследователей языка политики. По их мнению, язык политики способствовал формированию так называемого «полемического словаря». Метафоры в нём различаются согласно идеологии, к которой они относятся. Например, метафоры идеологии либералов заимствованы из математики и кинематики: «право», «закон», «равенство», «разум», «единство», «прогресс до бесконечности»...

Метафоры идеологии консерваторов заимствованы из биологии: «органический», «раса», «земля и кровь», «род», «наследство», «древний» и т. д. Метафоры марксистской идеологии заимствованы из области динамики и химии: «массы», «силы», «движущие силы истории», «государственный аппарат», «давление массы».

По мнению авторов, такой анализ политики позволяет облегчить понимание политического текста (см.: [8, с. 90]). В данном случае в этом можно усомниться. Столь прямое заимствование политических метафор из естественных наук по сути лишает их статуса метафор.

Метафора – это перенесение имени, но есть множество случаев переноса, не имеющих ничего общего с метафорой. А то, о чем говорилось выше, – примеры неметафорического переноса. «Слово в таких случаях начинает вместо одного значить другое, отказываясь от первого смысла» [4, с. 466].

Иногда в политической практике, особенно в ораторской технике, происходит перенос акцента со слова на тот визуальный образ, который это слово порождает. Оратор Бернар Лами (XVII в.) так формирует принципы нового трибуна: «Тот красноречив, кто зачаровывает своих слушателей так, что они, если можно так выразиться, не замечают, что слушают слова, но воображают, что видят то, что им говорится: столь жив образ, возникающий в их воображении» (цит. по: [9, с. 29]).

Ораторская техника в речах политиков может превращаться в искусство так, что слова должны быть увидены, их принадлежность языку

должна исчезнуть. В таких случаях обращение оратора к образам, метафорам может доминировать настолько, что «момент зрительного предъявления слова (“узрите эти слова”) предстает как момент такой блокировки чувств, которая по существу соответствует наивысшей точке ужаса, – ужаса, как будто производимого парадоксальной инверсией семиотических материй (словесной – в визуальную)» [там же; с. 25]. Но все же при этом необходимо заметить – как бы ни были значительны роли жеста, мимики, интонации, взгляда в речах политических ораторов, главную роль в создании политической метафоры играет слово, язык, без которых невозможно познание, коммуникация, творчество.

Непосредственно с идеологией, метафорой связана такая форма реализации политической идеи, как миф. Поскольку в истории культуры мифическое мышление претерпевает значительные изменения, то правомерно говорить о мифах, созданных в традиционных обществах, в которых миф в большей мере исходит из действий, чем из образов и представлений. Здесь ритуал предшествует догме и становится мифообразцовой моделью для главных видов человеческой деятельности, работающей активной силой.

Со временем такое положение мифа в культуре меняется, особенно в XX в., когда возникают псевдомифы, сознательно создаваемые людьми, сообразно их целям и интересам. Они часто имели успех, так как шли навстречу мифической потребности человека.

Одним из первых, кто в XX столетии заговорил о мифе, был идейный предшественник фашизма Ж. Сорель, имевший в виду его роль в придании идеологии революционного размаха, в отображении тенденций, инстинктов, ожиданий народа или партии, в воздействии на человеческую фантазию. Ж. Сорель стал одним из духовных отцов политических мифов, которые оказали влияние на историю XX в. Там, где существует дефицит логики, рефлексии, миф становится желанным гостем в такой мере, что способен замещать саму реальность. По мнению Э. Кассирера, политический миф – отчаянное средство, к которому человек обращается в критических ситуациях; когда разум не оправдывает наших ожиданий, то всегда остается в качестве высшего разума власть сверхъестественного и мистического (см.: [1, с. 59]). «Политическое мышление может в лучшем случае, воплощаясь в “мифы”, возбуждать людей к действию, но совершенно не способно научно постигать политику или прогнозировать будущее» [3, с. 170]. Но человеку, несмотря на ослепляющий свет иррациональности, все же удается обрести необходимый для повседневной жизни эмпирический опыт.

Как отмечалось выше, современные политические мифы (псевдомифы) не возникают спонтанно, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и искусными мастерами. Так, например, разоружение Германии после Второй мировой войны было подготовлено ментальным ревооружением, привнесенным политическими

мифами (см.: [1; с. 61]). Современные политические мифы не начинают с того, что санкционируют или запрещают какое-либо действие. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. И люди часто парализуются мифами, чем и пользуются политические демагоги, используя подлинный мифический потенциал. «Они умело пробуждают определенные ассоциации, затрагивающие все еще живые, хоть и вытесняемые формы опыта. Это воздействие тем сильнее и доходит тем скорее до взрыва, чем сильнее было вытеснение, искавшее лишь клапан, чтобы вздохнуть полной грудью» [6, с. 340–341]. К. Хюбнер приводит пример того, как Гитлер мастерски смог употребить глубоко уязвленный Версальским договором миф о рейхе и нации в качестве движителя своих расистских и антисемитских псевдомифов. Особо важное место политические мифы современности занимают в тоталитарных обществах, примеров тому много. Так, в нацистской Германии «страсть к «благородному происхождению» объясняет... периодическое возвращение к расистскому мифу об «арийцах». «Ариец» был... моделью для подражания с целью достижения расовой «чистоты», обретения физической силы, героической морали, бытовавших в достославные и творческие времена «начал» [7, с. 182].

В марксизме идея бесклассового общества – не что иное, как миф о золотом веке, который, по многочисленным традициям, характеризует и начало, и конец истории (см.: [там же, с. 103]). Под воздействием этого мифа советское общество просуществовало не одно десятилетие.

С падением большого числа тоталитарных режимов может возникнуть иллюзия возможности демофологизации социальной жизни. Но это остается иллюзией, так как отказ от мифов в политической жизни не ведет к истине, свободе, миру. Согласимся с К. Хюбнером, утверждающим, что и в будущем будут продолжать действовать те мифы, политическое значение которых несокрушимо даже в созданных по демократическому образцу странах (см.: [6, с. 341]).

Мы затронули политическую идеологию, политическую метафору и политический миф как формы реализации политической идеи, но можно указать и на иные формы: политическую утопию, политический символ, политический идеал и даже политическую астрологию, которые потребуют отдельного, серьезного анализа.

Список литературы

1. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 59–65.
2. Курикалов Ю. Национальная идея России превыше идеологии // Россия. 2004. № 9. С. 4–12.
3. Мангейм К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН, 1976. Ч. 1. 215 с.

4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2001. 506 с.
5. Парамонов Б. Портрет еврея. СПб.; Париж: Изд-во Гржебина, 1993. 227 с.
6. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Academia, 1995. 110 с.
8. Язык и идеология: реферат. сб. М.: ИНИОН, 1987. 127 с.
9. Ямпольский М. Жест палача, оратора, актера // Ad Marginem 93: ежегодник. М., 1993. С. 71–89.

POLITICAL IDEA: ITS NATURE AND FORMS

V.N. Zhuk

Tver State University, Tver

Political idea is understood within the article's format as a rationalized value that has no object within the given experience, but appears on the background of mentality of this or that epoch. Political idea may emerge in different forms: ideology, myth, metaphor, etc.

Keywords: *idea, value, ideal, ideology, metaphor, myth.*

Об авторе:

ЖУК Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: zhoukv@mail.ru

Author information:

ZHOUK Valery Nikolaevich – Ph. D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver, e-mail: zhoukv@mail.ru